

УДК 821.133.1-053.6
ББК 84(4Фра)-44
К56

Оформление обложки Давит Джилаван

Ковеларт, Дидье ван.

К56 Томас Дримм : [Кн. 1] : Конец света наступит в четверг : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] / Дидье ван Ковеларт ; пер. с франц. Юлии Рац ; [авт. обл. Давит Джилаван]. — М. : КомпасГид, 2019. — 264 с.
ISBN 978-5-00083-572-2

Внимание! Это Обязательные восьмичасовые новости! Всем совершеннолетним гражданам настроиться на государственную информационную программу! Исчез знаменитый ученый, член Академии наук профессор Леонард Пиктон. Создатель мозговых чипов и первооткрыватель недифференцированной антиматерии вышел сегодня на прогулку и не вернулся домой. Рассматриваются все версии: амнезия, несчастный случай, похищение...»

Томасу Дримму еще нет тринадцати, так что он может отвернуться от телеэкрана — штраф ему не грозит. К тому же мальчишка прекрасно знает, где искать профессора Пиктона, ведь он и есть невольный виновник его исчезновения. Вот только сознаваться в этом никак нельзя... Но муками совести Томасу не отделаться — он оказался в центре грандиозной интриги ученого, который теперь нуждается в его помощи, чтобы спасти человечество от собственного изобретения.

Дидье ван Ковеларт (родился в 1960 году) — обладатель Гонкуровской премии, автор двух десятков романов и сценариев к нескольким французским и голливудским фильмам. Его традиционно интересуют три темы: влияние технологий на общество, психология человека в состоянии стресса, жизнь после смерти. В серии антиутопий о Томасе Дримме, которую открывает роман «Конец света наступит в четверг», все эти мотивы эффектно переплетаются, причём к ним добавляется ещё один, новый для писателя мотив взросления героя.

УДК 821.133.1-053.6
ББК 84(4Фра)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-572-2

Originally published as Thomas Drimm, tome 1:
La fin du monde tombe un jeudi
by Didier van Cauwelaert
© Editions Albin Michel — Paris 2009
© Перевод, издание на русском языке.
ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

Ромену, чья энергия продолжает питать
мир Томаса...

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Воздушный змей — убийца

Через три месяца мне стукнет тринадцать, и хотя на вид я самый обычный парень, в настоящее время я пытаюсь спасти нашу планету. И не только тем, что сортирую отходы.

Официально я учусь в коллѐже, как все подростки. У меня есть родители с кучей собственных проблем, лишний вес и полное отсутствие каких-либо талантов. Я — посредственность. Поэтому от меня ничего особенного не ждут. Это очень кстати, ведь я веду двойную жизнь. В моей тайной жизни я — супермен со сверхспособностями. И двадцативосьмилетней помощницей в придачу. Думаете, фантазия разыгралась? Поначалу я именно так себе и сказал, чтобы успокоиться: приснилось. Но, увы, настоящий кошмар существует в реальности. Или в том, что называют реальностью. И я — единственный, кто может этот кошмар остановить.

Всё началось однажды в воскресенье, и причиной стал XR9. XR9 — мой единственный друг, и он — воздушный змей. Сущий демон, один такой на весь пляж: красно-фиолетовый, в черную полоску. Он молниеносно разворачивается, взвивается от малейшего ветерка, и я всем телом чувствую его рывки. Он свободен, как ветер, но слушается меня беспрекословно. Потрясающее ощущение!

Мы летали в любую погоду, взмывали в облака, не боясь шторма, терпеливо сносили полный штиль, понуро сидя на песке в ожидании ветра. Мы даже побратались: я ножом

нацарапал себе на запястье «XR9», а ему вырезал «Томás Дримм» на крыле. Правда, потом пришлось приклеить скотчем полоску бумаги с моим именем поверх прорезей, потому что в них проникал воздух и от этого змей терял равновесие. И теперь мы связаны кровью и скотчем — XR9 и я — и все выходные проводим втроем с нашим братом-ветром.

Когда мы с моим воздушным змеем летаем, я забываю обо всех неприятностях. До того воскресного вечера моей главной проблемой была мать. Хотя, конечно, у нее есть некоторое оправдание. Она — глава психологической службы в казино на берегу, а это работенка не из легких. Когда люди срывают джекпот в игровых автоматах, у них едет крыша, и тогда моя мать должна их ободрять, сочувствовать неожиданному превращению в миллионеров и помогать начать новую жизнь. Это она-то, которая вкалывает сверхурочно, чтобы меня прокормить! В результате дома ее накрывает депрессия. Но ей запрещено устраивать самой себе сеансы психотерапии: если застукают за этим делом, то дисквалифицируют. Поэтому козлом отпущения становлюсь я. Она говорит, из-за меня ее жизнь пошла на смарку. И это правда, ведь Закон о защите детства разрешает разводиться только тем, у кого нет детей.

Раньше лучшим лекарством от общения с матерью был интернет: я мог отвлекаться на другие вещи и сидеть в чате с виртуальными друзьями. Но с тех пор, как несовершеннолетним запретили интернет из-за вреда здоровью, мне осталось только одно: по выходным, пока мать трудится в казино, бегать по пляжу с воздушным змеем.

«Красивейший в мире пляж», — утверждают рекламные щиты, висящие прямо над мусорными контейнерами. Вдобавок здешняя вода отличается высоким содержанием ртути, и в ней полнодохлой рыбы, отчего купаться запрещено. Океан в катастрофическом состоянии. Один серфер решил здесь потренироваться, а когда волна схлынула, на доске стоял скелет. Так

рассказывал Ришар Зербаг. Правда, он начальник службы безопасности, и поэтому наверняка немного привирает. И так, купаться нельзя, поэтому я летаю.

Воздушного змея я получил от отца. С очень торжественным видом он сказал: «Это символ нашей жизни: стремление ввысь, ощущение полета и в то же время — реальность веревки, возвращающей на землю». Мне показалось, он имел в виду себя — то ли как преподавателя литературы, то ли как мамино мужа. А может и то и другое вместе. Я очень люблю своего отца. Я — единственный, кто его любит, и я знаю, за что его люблю.

Во-первых, у него есть страшная тайна: он пьет и курит. Правда, это уже не тайна, и начальница департамента образования в курсе, поэтому она перевела отца в занюханый пригородный коллеж. Нам пришлось переехать, и моя мать не может ему простить, что мы кубарем скатились в самый низ социальной лестницы. Представляете, какая веселенькая атмосфера у нас дома. Только благодаря воздушному змею я забываю о том, как тяжела моя жизнь. Вы можете возразить, что у меня есть еще коллеж, но поскольку в учебе я — полный ноль, от него тоже никакой радости.

В любом случае, при пьющем отце у меня нет будущего: это наследственное, алкоголизм передается ребенку прямо во чреве матери. Вообще-то отец начал бухать уже после моего рождения, но это неважно: всё уже зафиксировано в моем личном деле, и с таким довеском мне не светит приличная работа. Каждый раз, когда я стану претендовать на какое-нибудь место, предпочтение будут отдавать сыну непьющих родителей. Получая отказы, я сам начну пить, и в моем личном деле больше не будет противоречий.

Короче, это воскресенье начиналось как всегда, и нам было хорошо вдвоем — XR9 и мне, каждому на своем конце троса. Но не пройдет и пяти минут, как случится нечто ужасное.

Из-за дождя и восьмибалльного ветра опустевший пляж в моем полном распоряжении. Шквал рвет меня на части, руки дрожат, пальцы сжимают карабин, чтобы не выпустить змея. При каждом порыве ветра мне кажется, что XR9 вот-вот унесет меня в небо и больше нас никогда не увидят. Но всё-таки мои ноги стоят на земле. По-моему, это называется Закон всемирного тяготения. А ребенок, летящий над землей, — это наверняка незаконно.

Сквозь завесу дождя, которая застилает глаза, я различаю идущую ко мне фигуру. Туман сгустился так, что я уже не вижу XR9, только слышу пронзительный свист, которым он отвечает ветру. Человек приближается, хромая и опираясь на палку: это старик.

— Нельзя запускать змея в такую погоду! Сломаешь!

В его голосе звучит раздражение. Я хорошо воспитан, поэтому говорю «здравствуйте», но это надо понимать как «не ваше дело». Не люблю типов, которые считают себя вправе давать указания ребенку, которого не знают. Тем более я уже почти подросток, и он обязан меня уважать. Ведь это я, когда вырасту, буду оплачивать ему пенсию, если он к тому времени не загнется.

Всё же, для собственного спокойствия, я уменьшаю несущую поверхность крыла и сматываю трос, отчего XR9 начинает снижаться. Но в этот момент ветер вдруг меняет направление, одно крыло опускается и змей, накренившись, стремительно летит вниз. Хрясь! Старик падает от удара. XR9 подпрыгивает и увязает в песке рядом с его головой.

— Мсье, что с вами?

Я опускаюсь на колени рядом со стариком. В голове у него дырка, и мелкие волны прилива смывают в океан струйку крови. Глаза у старика открыты. Я трясую его, но он не подает признаков жизни. Не то притворяется, не то и вправду мертв.

— Мсье! Очнитесь! Простите меня! Мсье...

Никакой реакции. Он лежит одеревенелый и в то же время дряблый. Брови удивленно приподняты над остановившимися глазами.

Я вскакиваю и вглядываюсь в туман. Вокруг ни души. Поднимаю XR9, быстро окунаю в воду и бегу в казино. Это катастрофа, это просто катастрофа, вселенская катастрофа! Еще повезло, что нет свидетелей. Хотя на пляже я — единственный обладатель воздушного змея, и меня легко вычислят. Если начальник службы безопасности сопоставит рану на голове старика с металлической окантовкой XR9, мне конец. А поскольку я несовершеннолетний, в тюрьму посадят отца. «Управление воздушным змеем в состоянии наследственного алкогольного опьянения». Я не могу его так подвести. Нельзя допустить, чтобы тело нашли.

Я перехожу с бега на шаг, с трудом переводя дух и чувствуя, как сердце колотится в горле. От внезапного шума мотора за спиной я вздрагиваю. Это катер Давида входит в маленькую гавань под защиту мола. Каждый раз во время прилива Давид отправляется чистить берег: он подбираетдохлых рыб. Надо быть ненормальным, чтобы выходить в такую погоду, но он обязан это делать по Закону об охране побережья.

Я смотрю на XR9. И вдруг мне в голову приходит совершенно дикая идея. Это ужасно, но другого выхода нет. Я мысленно прошу прощения у моего единственного друга, достаю перочинный нож и со слезами на глазах перерезаю трос под корень. А потом зарываю XR9 в песок под понтонным мостом. Завернув трос в куртку, я собираю самую крупную гальку, которую только могу найти вокруг опорных свай, и возвращаюсь к старику. Он по-прежнему не подает признаков жизни. Я набиваю его карманы галькой. Потом связываю ему ноги и бегу к пристани, молясь про себя, чтобы длины троса хватило.

— Привет, Томас! Что новенького?

— Привет, Давид. Да ничего. Небось, не слишком весело выходить в такую погоду? Хочешь, отвяжу швартовый трос?

— Отлично, спасибо.

Я поворачиваюсь к Давиду спиной. Ветер гудит в ушах, в глаза летят водяная пыль и песок. Я делаю вид, будто тружусь над узлом, а на самом деле использую его, чтобы привязать свой трос к якорю. Я специально завязываю слабые узлы, чтобы они соскользнули вниз по канату, когда я заброшу его на борт.

— Готово, Давид! Удачи!

— Шутишь? Пока!

Он ловит швартовый, сворачивает, закрепляет и заводит мотор. Я смотрю, как трос XR9 соскальзывает в воду. Катер отъезжает от пристани. Я бегу к трупу, чтобы успеть прочитать молитву за спасение... как ее — не помню — ах да, его души! Это нечто вроде невидимой голограммы, которая вылетает из тела, чтобы попытаться счастья на небе, — так объяснила наша физичка.

Не знаю, слышат ли люди после того, как умерли. На всякий случай я желаю ему счастливого пути. Мне, конечно, очень стыдно за то, что я совершил, особенно перед его родными... С другой стороны, благодаря мне они здорово сэкономят на похоронах. И вдобавок будут надеяться, что он жив и когда-нибудь вернется, убеждать себя, что он просто куда-то уехал.

Трос натянулся, тело скользит по песку и сползает в воду. С каждой новой волной оно погружается всё глубже. Я слежу за ним до тех пор, пока оно окончательно не исчезает под водой. Расчет у меня на то, что вскоре, благодаря сопротивлению воды и силе тяжести, тело оборвет нейлоновую нить. По крайней мере, это я усвоил в коллеже. Если труп когда-нибудь обнаружат и увидят набитые камнями карманы, первым делом подумают о самоубийстве. Так что тут всё пройдет гладко... Хотя нет, это же полный ужас — теперь похоже на то, будто я совершил умышленное убийство. Правда, никто, кроме меня, об этом не знает.

В общем, я решаю, что самое страшное позади. На самом деле всё только начинается.

Подавленный, я плетусь в казино. Честно говоря, мне до сих пор не верится, что я совершил убийство. Хуже того — меня совсем не мучит совесть. Как будто старик не умер, как будто я не набивал галькой его карманы и рыболовный катер не тащил за собой его тело. Единственное, что я по-настоящему чувствую, — это ком в горле от того, что искалечил своего воздушного змея. Своего единственного друга, брата. Теперь он похоронен под понтонным мостом, и на нем осталась кровь старика. А мне придется соврать, что порыв ветра вырвал змея из рук и он улетел в небо. Может, отец подарит нового на день рождения. Но это будет только через три месяца, и мать скажет, что я уже слишком взрослый для таких подарков.

В отвратительном настроении я захожу в казино. Фейс-контролер у входа в вестибюль подмигивает мне и с улыбкой взъерошивает мои намокшие волосы. Он физиономист: это тип, который на глаз распознает шулеров и не пускает в казино. У него прямо на бейджике написано «Физио», как на воротах пишут: «Злая собака». Мне очень нравится Физио, потому что ему отшибло память и он вынужден делать вид, будто всех помнит, чтобы не потерять работу. Теперь он улыбается на всякий случай всем подряд. Так у него будет меньше неприятностей. Если он по ошибке впустит шулера, тот уж точно не побежит жаловаться администрации.

— Привет, Физио! — бросаю я, будто сегодня обычный воскресный день, будто я никого не убил.

— Рад вас видеть, — отвечает он; впрочем, это он говорит всем.

С ним случилась очень неприятная штука. Болезнь, которая называется Альцгеймер — по имени того, кто ее открыл. У человека отказывают мозговые клетки. Это не лечится, мозг просто постепенно разрушается. На последней стадии Физио уже не будет понимать, что болен и что это надо скрывать. Его

сразу разоблачат и поместят в один из тех отстойников, где, если никто не вступится, человека быстро разбирают на органы. Такие вещи мне перед сном объясняет отец. «Невидимая грань общества», как он выражается.

Я медленно поднимаюсь по высокой мраморной лестнице, покрытой толстым красным ковром, в котором застревает песок с моих подошв. Вдоль стен слева и справа от лестницы установлены считывающие устройства, чтобы люди могли узнать состояние своего счета, подставив голову под сканирующий луч. Эта штука — самое большое достижение нашего общества. Его видимая грань. В тринадцать лет, когда мозг окончательно формируется, каждому в голову вживляют чип. Так человек интегрируется в общество. Это обязательно для всех и позволяет полиции, банкам, Департаменту воспитания и службам занятости, не тратя времени, получить доступ к досье любого из нас с помощью сканера. Теперь можно не бояться, как раньше, что у тебя украдут деньги или банковскую карточку. Если какой-нибудь преступник отрежет вам голову, чтобы воспользоваться чипом, система безопасности сразу поменяет ваш шестнадцатизначный идентификационный код, и ваш счет заблокируется, так что вы ничем не рискуете.

С тех пор как принят Закон о равных шансах для всех, каждому выдается стартовый кредит. Перед игрой все равны — это записано в Конституции Объединенных Штатов. Выручка от игровых автоматов идет на социальное обеспечение и помощь бедным, поэтому надо играть не меньше восьми часов в неделю, иначе при проверке чипа выпишут штраф. В общем, всё здорово продумано. Во всяком случае, раньше, наверное, было хуже. Через три месяца придет моя очередь получать чип. Я, как положено, радуюсь. Это одно из четырех главных событий в жизни, вместе с женитьбой, искусственным оплодотворением и похоронами. По такому случаю устраивают грандиозный праздник с кучей подарков. Фактически установка чипов заменила первое причастие, бар-мицву и прочие ритуалы древних религий,

о которых мне тайком рассказывает отец, чтобы, как он говорит, я не умер полным неучем, вместе с остальными идиотами. Правда, лично я не вижу в этом особого преимущества. В любом случае, как только человек умирает, чип извлекается, и всё, что покойник выиграл за свою жизнь, возвращается обществу, потому что чип используют повторно в качестве источника электрической энергии для работы разных механизмов. Поэтому умрешь ты идиотом или нет, но свой гражданский долг ты выполнил и попадешь в рай. Вот так. Не хочу брать это в голову, особенно когда думаю об отце. Я ведь вижу, к каким результатам приводит память о том, чего уже не существует. Впрочем, это его проблема. Он слишком умен, и я надеюсь, что ум — это не такая штука, как алкоголизм. То есть по наследству не передается.

Вообще-то у меня есть сомнения. В коллеже я вместе с другими прошел тест на одаренность, а на следующий день отец, который работает в этом же коллеже учителем, рассказал, какой фокус он проделал (не скажу, что я был в восторге): «Я поменял порядок вопросов в программе, которая считает баллы, и, даже если все твои ответы верны, они теперь не соответствуют вопросам». Я слегка обалдел и спросил, зачем он это сделал. Он отвел взгляд и пробормотал: «Предосторожность не помешает. Такие времена, что в безопасности только полные придурки».

Возможно. Однако сегодня мне явно не помешало бы немного хитрости, чтобы мать не слишком разволновалась, узнав, что я убил человека.

4

Войдя в большой зал, наполненный шумом, треском и музыкальной рекламой, я пробираюсь между играющими. Люди сидят, вперившись в экраны, на которых мелькают цепочки звезд, бананов, обезьян или пистолетов.

— О Повелитель игры, сущий на небесах, сделай так, чтобы выиграла три бомбы, — молит какая-то дама, запуская барабан.

Кажется, раньше люди ходили туда, где молились бесплатно и где нельзя было выиграть. Это называлось церковью, храмом и другими сложными словами, которые я забыл. Старые религии исчезли, и поэтому больше нет войн, есть только Случай. Все обязаны в него верить и молиться о выигрыше.

Этой молитве учат в школе, и ее энергия влияет на будущее. Те, кому в жизни везет больше других, — те считаются, стало быть, лучшими, и им достаются самые ответственные должности. В 18 лет вы сдаете установочный тест: все выигранные вами очки суммируют и высчитывают ваш КИС — коэффициент игровых способностей. Чем больше вы выигрываете, тем он выше и тем скорее вы станете боссом. Эта система правления называется лудократией*, и, похоже, лучше ее нет. Ведь другие системы больше не существуют.

— Автомат, дай мне трех голубых кроликов! — просит дюжий субъект с топорной физиономией, весь взмокший в своем генеральском мундире с четырьмя звездами на погонах.

Стрелка останавливается напротив зеленого кролика с двумя морковками. Игрок судорожно стискивает зубы и в отчаянии утыкается лбом в корпус автомата. Проблема генералов в том, — объяснила мне мать, — что они лишаются звездочек, когда слишком много проигрывают. Это естественно: разве могут неудачники гарантировать мир и порядок в государстве? А поскольку играть они обязаны, то им часто приходится жульничать, и за это их ждет расстрел.

Надо сказать, что с тех пор, как мы победили в Превентивной войне, генералы нам не так уж и нужны. Официально на Земле существует одно только наше государство, и даже если бы на нас напали пришельцы, они были бы уничтожены посредством Аннигиляционного экрана, который охраняет воздушное

* От латинского *ludus* — «игра». (Здесь и далее примеч. пер.)

пространство. Удивительно, что еще находятся люди, желающие быть генералами. Эта болезнь называется «социальные амбиции». Мой отец победил ее с помощью алкоголя. И я никак не пойму, что хуже: болезнь или лекарство.

Я иду по огромному залу казино. Вообще-то несовершеннолетние без чипа не имеют права здесь находиться. Но сотрудницы на ресепшен приветливо улыбаются мне, поскольку мать не любит, когда я прихожу к ней на работу, а обслуживающий персонал ее ненавидит. Насколько я знаю, моя мать, как все несчастные люди, унижает тех, кто находится у нее в подчинении, потому что сама унижается перед вышестоящими.

Она портит мне жизнь, но это не самое худшее. Она еще и стыдится меня, поскольку я слишком толстый. Моя полнота не так заметна в убогом пригороде, где мы живем, но здесь лишние килограммы — признак бедняка, а значит, неудачника, и это вредит профессиональному имиджу матери. *Когда человек уверен в себе, он строен, и ему всегда сопутствует удача*, — так написано в Конституции. Дети заучивают это в школе наизусть, а потом, став взрослыми, платят штрафы, если растолстеют.

Сделав над собой усилие, я толкаю дверь с надписью «Только для персонала», прохожу по коридору, и вот наконец табличка: «Николь Дримм, руководитель службы психологической поддержки».

Мать вскакивает, выдергивая свои пальцы из руки типа, сидящего рядом с ней. Я его знаю. Это Антони Бюрль, инспектор по психическому здоровью из Министерства игры. Каждый месяц он проверяет, успешно ли моя мать справляется со своими обязанностями. Хорошо ли поддерживает тех, на кого свалился крупный выигрыш, удастся ли им с ее помощью преодолеть страшный шок, полученный из-за того, что они разбогатели в один миг и теперь им все завидуют. И, наконец, готовы ли они проявить себя соответственно своему высокому предназначению. Это называется вопросами психического здоровья. Когда выигравшего показывают по телевизору, а он сидит с кислой

миной или грызет ногти, это плохая реклама для Счастливого случая, о котором должен мечтать каждый.

— Надо стучаться, прежде чем войти! — визжит мать, буквально расстреливая меня взглядом.

— Мы как раз говорили о тебе, — инспектор поворачивает свою лживую физиономию и криво улыбается, показывая искусственные зубы. — Твоя мама объясняла, в чем твоя проблема.

Я выдерживаю его взгляд, но мне не по себе. Я смотрю на мать. Этого не может быть! Она не могла видеть, как я топил труп: окно кабинета выходит во двор! Я раздражаюсь жалобными рыданиями, не в состоянии побороть нервное напряжение.

— Что я и говорила, — вздыхает мать. — Видите, как его это травмирует.

Инспектор прикладывает потную ладонь к моей щеке.

— Не переживай, мальчик мой, это всё из-за гормонов. Ты становишься взрослым человечком; надо всего лишь наладить обмен веществ. Я уже говорил твоей маме, что позвоню доктору Макрози, он лучший специалист по детскому питанию. Он и моих детей привел в норму: в лагере лечебного голодания они потеряли в общей сложности сорок килограммов за три недели. Все расходы на лечение министерство возьмет на себя.

— Скажи спасибо! — поспешно напоминает мать.

— Не за что, — отвечаю я машинально.

Повисает ледяное молчание.

— А у паренька есть характер, — важно изрекает Антони Бюрль, будто ставит мне диагноз.

— Это всё из-за лишнего веса, — торопливо объясняет моя мать. — Он неуютно себя чувствует, поэтому агрессивен. Томас, сейчас же извинись перед господином Бюрлем!

Чтобы не обострять ситуацию, я поворачиваюсь к этому кретину и прошу прощения.

— Очень рад, — отвечает он, потом смотрит на мою мать и хихикает: смотрите, мол, и у меня есть чувство юмора.

Он застегивает пиджак и берет свою папку.

— До свидания, госпожа Дримм, до скорой встречи.

— Мое почтение, господин инспектор, и еще раз спасибо за всё, — мать провожает его сладкой улыбкой.

За ним еще не закрылась дверь, а она отвешивает мне пощечину, от которой я чуть не падаю.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что вытворяешь?!

Я снова глотаю слезы и говорю, что она права. То, что я сделал, — просто ужасно, я чудовище, и мне лучше бы вообще не рождаться. Она пугается, тут же сменяет гнев на милость и усаживает меня на диван, объясняя заученным тоном, что я не должен преувеличивать свою вину, иначе потолстею еще на килограмм. И сразу же добавляет, что на сей раз меня прощает. Я благодарю ее. Мне как-то сразу становится чуточку легче от того, что меня простили, даже если матери и невдомек, в чем я на самом деле повинился: уколошил старикана и представил всё как самоубийство.

— Ну перестань же, я люблю тебя, — шепчет она вымученным тоном.

Я отвечаю, не понижая голоса:

— Не за что.

5

В семь вечера мы отправляемся домой. Сидя в машине позади матери, я молча наблюдаю за ней в зеркало заднего вида. Она на взводе после своей последней вечерней консультации, когда ей пришлось утешать одного красавчика, который только что за две минуты выиграл сумму, равную ее зарплате за сорок лет. Он впервые играл на «Домо Аллигаторе» и одним махом выбил трех крокодилов. Я в это время сидел в соседнем кабинете и даже уменьшил звук телевизора, чтобы лучше

слышать через стенку, как он об этом рассказывает. Красавчик был не в себе. Орал, что теперь выкупит страховую компанию, в которой работает его бывшая, и разорит ее, потому что она ушла от него к страховому агенту. Потом его обуяло сомнение: надо ли рассказывать любовнице, что он стал миллионером? Ведь он не очень-то верит в ее искренность и не хочет, чтобы она была с ним из-за денег — теперь, когда ему доступны любые красотки.

Мать посоветовала ему выждать месяц, прежде чем принимать какие-либо решения. Я чувствовал: ей ужасно хочется обратить его внимание на то, что рядом с ним тоже красивая женщина. Она не имеет права так себя вести. Кажется, это называется профессиональной тайной. Поэтому мать ограничилась тем, что спросила, чем может помочь ему как психолог. Он ответил: «Что бы вы посоветовали: лимузин с шофером или спортивную машину?»

Когда счастливыми оказываются пожилые дамы или какие-нибудь невзрачные субъекты, она не так нервничает по дороге домой.

Мы медленно двигаемся в пробке около стадиона, где играют в менбол. Менбол — наш национальный вид спорта, нечто вроде гигантской рулетки, в которой игроки, свернувшись в шар, с помощью центрифуги перебрасываются из одного сектора в другой, стараясь остановиться на том числе, на которое поставили зрители. На каждом матче кто-нибудь погибает, и все довольны — а куда денешься? Когда мне стукнет тринадцать, я тоже буду обязан в этом участвовать, чтобы поддержать нордвильскую команду, ведь я из Нордвилья.

— Как тебя угораздило потерять такого дорогого воздушного змея? — барабаня пальцами по приборной доске, вдруг с раздражением спрашивает мать, чтобы вызвать у меня чувство вины и отвлечься от своих мыслей.

— Ветер был слишком сильный...